

Тождественны ли понятия «знание» и «истина»?

Е. Л. ЧЕРТКОВА

Мне всегда интересно читать работы А.Л. Никифорова и слушать его выступления, потому что он ясно и просто выражает свои мысли, я бы даже сказала упрощенно, как художник-примитивист, что весьма полезно для обнажения сути рассматриваемой им проблемы. Так и в вопросе о природе знания он четко ставит проблему: как среди различных областей или модусов существования идей, таких как вера, мнение, знание, вычленить то, что мы относим к знанию. И ответ дает столь же ясный: знание – это результат познания, выраженный проверенным, обоснованным предложением. Или еще более лаконично: знание – это то, что может оцениваться как истина. Действительно, без привлечения понятия истины говорить о природе знания весьма затруднительно. Когда некоторые современные эпистемологии предлагают отказаться от этого понятия и относят его в разряд исторических заблуждений человечества, то самым этим утверждением демонстрируют неустранимость понятия «истины» хотя бы в качестве противоположного принимаемому и употребляемому ими понятию «заблуждение».

Но когда знание определяется через истину, сразу же встает сакраментальный вопрос: что есть истина? И вся ситуация взрывается чередой столь же неоднозначных и дискуссионных определений. *Знание* определяется через истину, а *истина* – через *соответствие* знания действительности, а *соответствие* через процедуры проверки и обоснования. А завершается этот ряд вопрошания неизбежным вопросом о том, что такое действительность или реальность? И в итоге простой, на первый взгляд, вопрос – что есть знание? – обрастает множеством «вечных» проблем, над которыми в течение всей своей истории бьется философия.

Надо отдать должное А.Л. Никифорову, что он признает недостаточность определения знания через истину как в силу сложности и неоднозначности этих понятий, так и из-за особой трудности применения связки «знание-истина» к гуманитарному знанию, к историческим исследованиям, в том числе и к пониманию истории естественно-научного знания, к внеучным – обыденному или повседневному – формам знания. Но признавая эти трудности, он все же не предлагает пути их преодоления. И это не случайно, так как определение знания через истину сразу же отсекает все другие его характеристики. Можно даже предположить, что именно в этой жесткой конструкции «знание=истина» заложена «мина замедленного действия», и ригористичность такого понимания знания будет препятствовать решению указанных А.Л. Никифоровым проблем. По крайней мере, в данной работе не показаны и не обоснованы те преимущества, какие дает для дальнейшего развития эпистемологии предлагаемое им понимание знания.

Более обнадеживающим мне представляется определение знания через характеристики методов и способов его получения, когда знание понимается как результат, продукт определенного вида специализированной деятельности со своими методами, способами обоснования и критериями оценки. Едва ли можно считать устаревшей идущую от античности и далее через Декарта традицию связи знания с методом его получения и обоснования. Продолжая и развивая ее, знание нужно соотносить не только с истиной, но прежде всего с формой его производства и той социальной системой, в которой оно возникает и утверждается. А.Л. Никифоров отмечает трудность в квалификации устаревших теорий в рамках его концепции знания. Но если не отождествлять знание и истину, тогда и то знание, которое впоследствии окажется ложным, не потребует своей дисквалификации в качестве знания и отнесения его к мнениям или верованиям. Это, конечно, не отменяет необходимости его критериальной оценки как истинного или ложного, но позволяет не исключать из сферы знания то, что некогда воспринималось и оценивалось как истинное. Этим я хочу сказать, что хотя истина является неотъемлемой характеристикой знания, все же не следует отождествлять эти понятия, ибо по своему объему они являются пересекающимися, но не тождественными.

Для понимания *природы* знания важно осознавать *смысл* познавательной деятельности и ее цель. Тогда становится очевидным, по крайней мере, для меня, что без понятия истины как цели познания и идеала знания невозможно понять и специфику знания как категории эпистемологии, а также отграничить его от иных областей мира идей. Истина как знание о «вещах самих по себе» и является тем идеалом и целью, которые направляют познавательный процесс, придают ему осмысленный целенаправленный

характер. Само *стремление* к истине и применение для этого принятых в данном сообществе средств проверки и обоснования полученных результатов позволяет говорить о познании, а не фантазии или вере. Знание реализуется в стремлении к истине, и едва ли когда-нибудь познание сумеет достичь эту цель. Отсюда и понятие относительности истины. Но тогда различия между исторически сменяющимися научными теориями или между знанием естественно-научным и социогуманитарным не потребуют от нас «исключения» из сферы знания ни устаревших научных представлений, ни концепций гуманитарного знания, к которым трудно непосредственно применить критерий истины как соответствия действительности.

И в заключении я хотела бы возразить на резкие нападки со стороны А.Л. Никифорова на различные направления в исследовании знания, такие как логико-аналитическое, психо-лингвистическое, эволюционное, социо-культурное и другие, исследующие знание в его взаимосвязи с языком, эволюцией человеческой психики, социокультурными институтами, с телесной организацией и т.д. Если воспользоваться различием между «cause» и «reason», то можно сказать, что эти различные направления и способы исследования раскрывают «cause» познания, а его «reason» – это та сознательная цель, которая лежит в основании познавательной деятельности. Истина как цель побуждает искать все новые пути и способы познания, совершенствовать познавательный процесс.